

К.А. Белиловский

**Женщина инородцев
Сибири**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 61
ББК 5
К11

К11 **К.А. Белиловский**
Женщина инородцев Сибири / К.А. Белиловский – М.: Книга по Требованию,
2013. – 107 с.

ISBN 978-5-458-09940-0

(Медико-этнографический очерк). Сочинение К. А. Белиловского, штатного
врача С.-Петербургского врачебного отделения. Отдельный оттиск из "Сбор-
ника работ по акушерским и женским болезням, посвященного проф. К.Ф.
Славянскому в 25-летие его врачебно-ученой деятельности".

ISBN 978-5-458-09940-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Женщина инородцевъ Сибири.

(Медико-этнографическій очеркъ).

К. А. Бѣлиловскаго,

Штатнаго врача С.-Петербургскаго Врачебнаго Отдѣленія.

Ты дивишься, чужеземецъ,
Нами встрѣченный привѣтно,
Что Сибирскій уроженецъ
Любитъ край свой беззавѣтно?
Ты дивишься, покидая
Нашу сторону глухую,
Что и самъ, не замѣчая,
Полюбилъ страну чужую?
Омулевскій.

Сибирь — страна ссылки, каторги, страна бродягъ, поселенцевъ и полудикихъ инородцевъ, страна, гдѣ раздаются одно мѣрное бряцаніе кандаловъ «несчастныхъ» и все заглушающее гудѣніе колокольца начальства; страна пьянства, картежной игры, разврата и проч. и проч. Такъ и понынѣ, къ сожалѣнію, еще характеризуютъ Сибирь и ея обитателей тѣ господа, которымъ, послѣ многихъ неудачъ въ Россіи, не посчастливилось почему-либо даже въ Сибири; такъ отзываются о Сибири тѣ, которые черпаютъ свои свѣдѣнія о ней изъ преданій старины, богатой разными курьезами, подчасъ вымышленными и анекдотическаго характера; такъ описываютъ Сибирь и клеймятъ ея населеніе только тѣ, которые смѣшиваютъ *чистаго природнаго Сибиряка* и нетронутаго еще «культурой» инородца съ *пришельцемъ*, съ наноснымъ элемен-

томъ изъ Россіи. Одни такъ рассказываютъ о Сибири по злонамѣренію, другіе по невѣжеству, но и тѣхъ, и другихъ, слава Богу, незначительное число. Большинство же изъ чужеземцевъ, побывавшихъ въ Сибири и изучившихъ мѣстное населеніе, не только русское, но и инородческое, разставалось съ этой обширной страной, встрѣчающею каждаго чужеземца «привѣтно», съ глубокой привязанностью и искренней любовью.

То, что было прежде, миновало безвозвратно, и жизнь въ Сибири мѣняется не съ каждымъ годомъ, а съ каждымъ днемъ. *Tempora mutantur et nos in illis*. По великому Сибирскому тракту бряцанье арестантскихъ оковъ замѣняется стукомъ желѣзной дороги; тамъ, гдѣ въ былыя времена были стаи волковъ, раздается нынче свистокъ дымящаго культуртрегералокomotива, этого провозвѣстника прогресса и разносителя цивилизаціи; по многоводнымъ рѣкамъ, набирающимъ свои воды въ теплыхъ краяхъ и изливающимся въ ледовитомъ океанѣ, снуютъ пароходы, оглашая прибрежные дѣвственные лѣса рѣзкими свистками и шумомъ шлепающихъ колесъ. Стонъ и крикъ обиженнаго не остаются уже болѣе гласомъ вопіющаго въ пустынь, а находятъ мѣсто въ отзывчивой мѣстной прессѣ и отдаются эхомъ въ грудяхъ тысячей читателей. А въ центрѣ Сибири загорѣлся свѣтильникъ высшихъ наукъ человѣческихъ знаній, свѣтильникъ, бросающій на всю Сибирь благодатные лучи новой все пробуждающей и оживляющей зари, долженствующей проникнуть одинаково ясно и тепло, какъ въ душу осѣдлага, такъ и въ дѣтскую душу кочевника.

«Преграды, раздѣлявшія народы, разрушаются съ каждымъ днемъ. Цивилизація и торговля проникаютъ въ отдаленнѣйшіе углы земнаго шара. Племена, окруженныя еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ настоящей китайской стѣной, вступаютъ въ кругъ всемірной торговли и смѣшиваются все болѣе» ¹⁾. Эти

¹⁾ Таренцкій, Краніометрич. правила и измѣренія. Международн. Клиника, 1882. Апрѣль.

слова проф. Таренецкаго въ особенности относятся къ Сибири. Не только русскіе добросовѣстные писатели, но и иностранцы, путешествовавшіе по Сибири, съ неподдѣльной искренностью говорятъ о гостепрѣимствѣ Сибиряка, о добротѣ, честности и поэтической натурѣ многихъ инородцевъ, кочующихъ по снѣгомъ убѣленнымъ Алтайскимъ горамъ или на далекихъ-далекихъ равнинахъ и безбрежныхъ степяхъ. Всѣ тѣ писатели покидали Сибирь съ добрыми чувствами, съ глубокой симпатіей и сохранили о ней, какъ читатель увидитъ ниже, наилучшія воспоминанія. Ученые эти не мало потрудились надъ изслѣдованіемъ этой богатой страны; они сорвали пелену, закрывавшую отъ цивилизованнаго міра «страшную, снѣжную страну»; они разсѣяли непроницаемую мглу, окутывавшую цѣлую половину той части свѣта, которая была первоначальной колыбелью челоувѣческаго рода, родиною нашихъ предковъ, источникомъ свѣта, — *ex oriente lux*, — родиною Зороастра, Конфуція, Будды, Моисея, Христа и Магомета.

Но многое еще осталось и остается не изслѣдованнымъ. Не изслѣдована еще вполнѣ топо- и орографія, археологія и этнологія многихъ племенъ; не изслѣдованы еще въ достаточной степени растительное и животное царство, какъ равно и геологія Сибири. Все это, несмотря на капитальные труды нашего знаменитаго Потанина, Радлова, Кастрена, Альквиста, Полякова, Ядринцева, Адрианова, Мушкетова, Патканова, Пѣвцова и многихъ другихъ, а изъ иностранцевъ: Брема, Вамбери, Мункачи, Кенана, Сомье и др. — все это, тѣмъ не менѣе, еще ждетъ своихъ изслѣдователей. Матеріалъ богатый; разработка его можетъ удовлетворить и занять еще очень многихъ представителей различныхъ наукъ и знаній.

Въ особенности же небольшую лепту внесли въ область всесторонняго изученія Сибири врачи. Мнѣ совершенно понятенъ упрекъ, сдѣланный *Этнографомъ* (въ «Сибирской Газетѣ») доктору Путилову, обратившемуся въ своей рѣчи, произнесенной въ одномъ изъ засѣданій Омскаго Отдѣла Русс. Геогр. Общества, къ этнографамъ съ возваніемъ заняться все-

стороннимъ изслѣдованіемъ быта и жизни инородцевъ Сибири, не упуская изъ виду также сторонъ, которыя могли бы интересовать и врача. *Этнографъ* (псевдонимъ автора статьи въ «Сибирской Газетѣ») упрекнулъ доктора Путилова въ томъ, что этнографы многое уже сдѣлали даже и по медицинѣ инородцевъ, между тѣмъ какъ врачи по этой части внесли пока еще очень мало въ общую сокровищницу. Въ словахъ *Этнографа* не мало правды. Врачи, служившіе и служащіе въ Сибири, дѣйствительно очень немного работали въ области медицинскихъ, медико-статистическихъ, антропологическихъ и этнологическихъ изученій народовъ, населяющихъ Сибирь. Кривошапкинь, Зеландъ, Колбасенко, Гриневецкій, Соломинъ и еще, должно быть, 5 — 6 почтенныхъ лицъ, вотъ и всѣ, кажется, сибирскіе врачи, работавшіе на поприщахъ болѣе или менѣе близкихъ къ ихъ профессіи ¹⁾,—число почти ничтожное, сравнительно съ многочисленными, даже классическими изслѣдователями—не врачами.

Нѣтъ сомнѣнія, что открытый недавно университетъ въ Томскѣ во всѣхъ отношеніяхъ сослужить Сибири великую службу просвѣтительницы, *Almae matris*, что онъ въ лицѣ своихъ ученыхъ представителей—учителей и питомцевъ, изучить «все обитающее и произрастающее» на великомъ пространствѣ 12.495.110 квадратныхъ верстъ; а до тѣхъ поръ, насколько неоцѣнимы уже имѣющіеся богатые труды первыхъ изъ выше названныхъ ученыхъ, на столько же желательны всякаго рода работы, преслѣдующія изученіе Сибири и ознакомленіе съ нею съ медико-этнографической стороны. Въ этомъ отношеніи всякій трудъ долженъ имѣть свое значеніе, какъ бы онъ ни былъ малъ, всякая работа, какою бы она ни казалась поверхностною, должна принести свою пользу. Тѣмъ

¹⁾ Особенно цѣнны труды Зеланда, помощника Военно-Медиц. Инспектора въ Туркестанѣ. Желательно было бы, чтобъ и другіе помощники Инспекторовъ, напр. Омскаго округа, гдѣ живетъ столько инородцевъ, тоже почувствовали потребность и влеченіе къ подобнаго рода полезнымъ работамъ.

болѣе, что, какъ я уже упомянулъ, до сихъ поръ имѣются по этой части только лишь очень немногія отдѣльныя работы, въ видѣ монографій, диссертаций, статей и замѣтокъ, разбросанныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

Вопроса же, специально затронутого мною, кромѣ выше-названныхъ врачей, касались между прочими въ Россіи *Krebel*, *Демичъ*, во Франціи *Witkowski* и въ Германіи *Ploss*. *Krebel* касался только попутно и вскользь инородцевъ Сибири; такимъ же образомъ касался ихъ въ своемъ весьма почтенномъ трудѣ докторъ Демичъ. У *Witkowski*'а выпало на долю инородцевъ Сибири очень мало. Болѣе всѣхъ удѣлили имъ вниманіе *Ploss* въ своемъ классическомъ сочиненіи «*Das Weib*». Этотъ ученый справедливо счелъ заслуживающими вниманія всѣ мельчайшія подробности, которыя касались вопроса, разработаннаго имъ съ такой примѣрной тщательностью. Но при всѣхъ неоспоримыхъ высокихъ достоинствахъ сочиненія *Ploss*'а, оно страдаетъ и нѣкоторыми недостатками.

Недостатки эти слѣдующіе: 1) Пользованіе и ссылка въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на старые источники, напр. на *Pallas*'а и другихъ, писавшихъ о Сибири въ концѣ прошлаго столѣтія. Многое, если не все почти, что имѣло мѣсто и существовало при *Pallas*'ѣ, въ настоящее время уже исчезло безслѣдно. Сибирь не окружена китайскою стѣной, непроницаемость которой въ послѣднее время также уже начинаетъ подвергаться серьезнымъ и тяжкимъ испытаніямъ. Въ то время какъ Собственный Китай населенъ сотнями миллионовъ осѣдлыхъ людей, принадлежащихъ къ однородной расѣ, Сибирь напротивъ издавна была ареной безпрестаннаго передвиженія и столкновенія между собою кочевыхъ народовъ, принадлежащихъ къ различнымъ племенамъ. Мѣста и простора вѣдь такъ много, ширь необъятная, а народовъ, населенія мало, разгуляться было и есть гдѣ,—и вотъ, какъ волны по безбрежному океану, перекатывались народы по обширной богатой Сибири то въ одну, то въ другую сторону, то проглатывая болѣе слабого, то сливаясь другъ съ другомъ, то оставляя свои неизгладимые

слѣды и уступая мѣсто болѣе сильному пришельцу. Здѣсь на непривѣтливомъ, суровомъ сѣверѣ живутъ племена, въ пѣсняхъ и былинахъ которыхъ что-то родное чувствуется пылкому Венгерцу, а на сѣверо-востокѣ, въ самомъ холодномъ уголкѣ нашей планеты живутъ люди, заброшенные сюда такими же невѣданными историческими событіями, какъ и Мамонты въ нѣдра при-Ленскихъ береговъ, люди, у которыхъ остались родственники въ великолѣпномъ Стамбулѣ. Кто, по преданіямъ, пришелъ съ востока, кто съ запада, кто съ юга,—всѣ они при стихійныхъ встрѣчахъ толкались, смѣшивались: Самоѣды съ Остяками, Остяки съ Татарами, Татары съ Киргизами, Киргизы съ Бухарцами, Калмыки съ Башкирами и т. д., — всѣ они другъ у друга брали—заимствовали, другъ другу давали, насильно навязывали, пока наконецъ не явились къ нимъ представители болѣе сильнаго, могущественнаго народа—Русскіе, которые, повидимому, подчинили себѣ всѣ тѣ народцы окончательно. Христіанство, школы для инородцевъ, новыя судебныя и административныя учрежденія и проч., — все это за послѣднее время до неузнаваемости измѣнило жизнь и бытъ инородцевъ. Что считалось еще возможнымъ 20 лѣтъ назадъ, въ настоящее время уже невысказуемо. Что еще было вчера, сегодня свѣяно и забыто. Сибирь въ этомъ отношеніи можно сравнить съ Сибирской дорогой: гдѣ вчера была проторенная дорога, сегодня сугробы снѣга, нанесеннаго бураномъ за ночь; гдѣ вчера были сугробы, сегодня ровная гладь. А столѣтній періодъ имѣетъ для Сибири огромное значеніе. Обычаи, практиковавшіеся у сибирскихъ инородцевъ во времена *Pallas'a* или *Kruzensterna*, въ наши дни только отчасти уцѣлѣли, многіе же совершенно исчезли. И читая *Ploss'a*, часто приходится при мрачныхъ картинахъ радоваться, что ихъ нынче уже и въ поминѣ нѣтъ; за то часто, при описаніи имъ патриархальныхъ обычаевъ, приходится вздыхать и сожалѣть о постепенномъ исчезновеніи ихъ.

Второй недостатокъ въ сочиненіи *Ploss'a* — недостатокъ, конечно, поскольку это касается только специально Сибири,—

это пользованіе хотя и новѣйшими источниками, но источниками не высокаго разбора.

Оно можетъ показаться страннымъ, неправдоподобнымъ, а можетъ быть и дерзкимъ, если я скажу, что въ сочиненіяхъ многихъ авторовъ даже съ громкимъ именемъ, зачастую попадаются мѣста, встрѣчаются пассажи, происхождение которыхъ представляетъ рѣшительную загадку: то ли это плодъ собственной фантазіи автора, то ли медвѣжья услуга когolibо изъ его корреспондентовъ. Кребель ¹⁾, напр., говоритъ: «у Чукчей—мужеложство—обыкновенное явленіе. Обращеніе молодыхъ людей, чтобы приманить къ себѣ, совершенно одинаково съ обращеніемъ публичныхъ женщинъ». Откуда это почерпнулъ Кребель, мнѣ не извѣстно. Я, по крайней мѣрѣ, ни у одного автора не нашелъ болѣе подобнаго указанія на склонность Чукчей къ классической добродѣтели.

Кеннан, не терявшій даже среди лютыхъ камчатскихъ морозовъ своего Witz'a и радужнаго настроенія, навѣрное не преминулъ бы воспользоваться этимъ порокомъ Чукчей, — если бъ онъ только существовалъ,—и не оставилъ бы выдать имъ *желтыя книжки*.

Другой авторъ, извѣстный В. В. Григорьевъ ²⁾ рекомендуетъ намъ тѣхъ же Чукчей съ неменѣе черной стороны. «У нихъ, говоритъ онъ, та дѣвица и замужъ не выйдетъ, которая не оказалась искусною въ воровствѣ»... Третій авторъ и никто другой, какъ Э. Реклю («Земля и Люди»), увѣряетъ, что Якуты, какъ ремесленники, не имѣютъ себѣ равныхъ, что они даже живописцы и скульпторы, что Якуты одарены коммерческимъ гениемъ... Тотъ же авторъ, описывая напр. г. Петропавловскъ Акмолинской области, дошелъ въ густотѣ своихъ яркихъ красокъ до того, что даже я, прожившій въ этомъ городѣ 6 лѣтъ, не узналъ его. «Петропавловскъ, пишетъ онъ,

¹⁾ Kребel. Volksmedicin und Volksmedicin verschiedener Stämme Russlands. St Petersburg. 1858.

²⁾ В. В. Григорьевъ. Россія и Азія. С.-Пб. 1876, стр. 565.

имѣть то преимущество надъ большей частью сибирскихъ городовъ, что представляетъ живописную картину, благодаря скаламъ (!), на которыхъ лежатъ развалины (!) старой крѣпости, на высотѣ 14 саж. надъ уровнемъ рѣки...»

Schweiger-Lerchenfeld ¹⁾ описываетъ жизнь въ Киргизской юртѣ такими водяными красками: «послѣ совершенной работы, всѣ, и старъ и младъ садятся за кумысъ, который, какъ извѣстно, есть *смѣсь коровьяго, овечьяго и кобыльяго молока* (Ein Gemisch von Kuh-Schafs- und Stutenmilch). Всѣ начинаютъ пить, а послѣдствіемъ такой попойки,—и это обыкновенное правило,—является то, что всѣ въ пьяномъ видѣ лежатъ въ юртѣ (*Kascha?*), въ ожиданіи брезжущаго утра».

Помимо этихъ недостатковъ, должно еще указать на то, что Ploss не могъ, конечно, воспользоваться многими источниками, разбросанными по очень рѣдкимъ русскимъ періодическимъ изданіямъ, которыми такъ богата наша публичная библіотека. Наконецъ, послѣ Ploss'a вышли въ свѣтъ многія сочиненія по этому вопросу, пользованіе которыми, какъ болѣе новѣйшими источниками *eo ipso* должно имѣть вліяніе на цѣнность новаго труда по этому вопросу, труда, на который я и хочу попробовать сдѣлать попытку, предпосылая пока настоящій краткій очеркъ.

Годы прошли и еще годы, можетъ быть, пройдутъ, пока я закончу начатый мною трудъ: «женщина инородцевъ Сибири въ прошломъ и настоящемъ». Съ одной стороны серьезность труда, огромный литературный матерьялъ, историческая и критическая оцѣнка его, а съ другой стороны повседневныя житейскія заботы и другія обстоятельства сильно замедляютъ ходъ работы, сдѣлавшейся моимъ любимымъ занятіемъ, излюбленнымъ дѣтищемъ. Кромѣ того, предпринятый мною трудъ зародилъ во мнѣ непреодолимое желаніе и твердое намѣреніе объѣхать всю Сибирь, гдѣ я могъ бы на мѣстѣ, *an Ort und*

¹⁾ Schweiger-Lerchenfeld. Das Frauenleben der Erde. Wien. Leipzig. 1881. стр. 117.

Stelle, познакомиться съ жизнью инородцевъ, — намѣреніе, отъ исполненія котораго въ значительной степени будетъ зависѣть появленіе моего труда въ свѣтъ.

Предпосылая пока краткій очеркъ въ формѣ поспѣшно составленной статьи, я уже здѣсь желалъ бы исполнить пріятный долгъ и выразить мою глубочайшую благодарность С. К. Патканову, К. В. Урядову — воспитателю Сибирскаго Кадетскаго Корпуса, г. Аблайханову — переводчику при канцеляріи Степнаго Генераль-Губернатора, П. С. и О. С. Черданцевымъ и многимъ другимъ — которымъ я весьма обязанъ за доставленный мнѣ матерьялъ. Всѣ доставленные ими мнѣ свѣдѣнія въ ихъ глазахъ, можетъ быть, мало значущія, для меня имѣли и имѣютъ большое значенія.

Möge auch nicht die kleinste Beobachtung unwerth zu einer Aufzeichnung erscheinen, — und möge man niemals vergessen, dass nur durch die gemeinsame Arbeit vieler das nöthige Licht in das bisherige Dunkel getragen werden kann (Ploss. Das Weib. S. 641.).

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію быта и положенія, занимаемаго женщиною среди инородцевъ Сибири, я считаю необходимымъ, хотя бы въ общихъ штрихахъ познакомить читателя съ характеромъ инородцевъ вообще, съ ихъ особенностями, качествами и чувствомъ нравственности. Это необходимо для нѣкотораго уясненія того положенія, которое занимаетъ среди нихъ прекрасный полъ.

Огромная площадь въ 226.924 квадратныя мили, лежащая между Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ и Алтайскими горами, Становымъ и Яблоновымъ хребтами съ одной стороны и между Ураломъ и Тихимъ океаномъ съ другой, площадь эта, прорѣзываемая четырьмя могущественнѣйшими рѣками: Обью, Енисеемъ, Леной и Амуромъ, представляетъ большое разнообразіе въ топографіи и климатѣ, въ растительномъ и животномъ царствахъ. Полярный холодъ, далекая, однообразная и тоскливая,

покрытая мхами тундра, бѣлый медвѣдь, песецъ, олень и сохатый—на сѣверѣ; а южнѣ суровый мракъ и страшная тысячелѣтная тишина въ тайгѣ съ ея обитателями — медвѣдемъ, волкомъ, соболемъ, чернобурой лисицей и бѣлкой на гигантскомъ кедрѣ; а еще южнѣ благоуханная, цвѣтистая киргизская степь, этотъ великолѣпный, безконечный, колыхающійся изумрудный океанъ, усѣянный мѣстами, точно островками, горами и грядами сопокъ самой причудливой формы съ хрустальными озерами на ихъ вершинахъ; чудная степь съ разсыпанными по ней выпуклыми юртами-шатрами, табунами лошадей, верблюдовъ и барановъ, вольно пасущихся подъ прищмотромъ патріархальнаго смуглолицаго кочевника; степь съ беркутами въ небесной выси, съ криками лебедей и тысячеголосымъ гамомъ разнообразной пернатой дичи на безчисленныхъ лазоревыхъ озерахъ; наконецъ еще южнѣ—краса Сибири, Алтайскія горы, величественныя, роскошныя—съ своими живописными вершинами, окутанными, точно мусульманскіе хаджи, бѣлыми чалмами,—Алтай съ своими тиграми и орлами, вонзающими свои когти въ граціозную и быстроногую антилопу; Алтай съ своими виноградными, айвовыми и иными фруктовыми садами... Сколько безконечнаго разнообразія природы на этомъ громадномъ пространствѣ! Между тѣмъ какъ народности, населяющія эту огромную страну,—которая, къ слову сказать, могла бы свободно вмѣстить по крайней мѣрѣ въ 50 разъ болѣе всего числа жителей, населяющихъ ее,— между тѣмъ какъ народности эти представляютъ далеко не столько различій между собою, чѣмъ это могло бы показаться на первый взглядъ. Одинаковые почти обычаи у Остяковъ и у далеко отъ нихъ живущихъ Коряковъ, у Киргизовъ на пышномъ югѣ и у Самоѣдовъ на убогомъ сѣверѣ, одинаковая почти одежда у всѣхъ, какъ на сѣверѣ, такъ и на сѣверо-востоцѣ; тѣ же жилища, одно и то же у всѣхъ богатство—стада; та же кочевая или охотничья жизнь, жизнь, полная одинаковыхъ и лишній, и приключеній, страха и поэтической прелести; та же вѣра въ сверхъестественныя силы, обитающія въ